

ПАНКРАТОВ А. А. — КАЛИНИНУ М. И.

ПАНКРАТОВ Александр Александрович, родился в 1904. Окончил гимназию. Проживал в Ростове-на-Дону, с 1920 — служил стенографом в учреждении; студент 4-го курса педагогического факультета Северо-Кавказского государственного университета; участник литературных вечеров. 19 декабря 1927 — арестован и заключен в Ростовский Исправдом. В конце июня 1928 — приговорен к 5 годам ИТЛ и должен отправляться в Соловецкий лагерь особого назначения.

В июле 1928 — обратился с заявлением к М. И. Калинин.

<6 июля 1928>

«ВО ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

Председателю ВЦИК а
т<оварищу> М. И. КАЛИНИНУ

ПАНКРАТОВА АЛЕКСАНДРА
АЛЕКСАНДРОВИЧА, заключенного в
Ростовском н<а> Д<ону> ИСПРАВДОМЕ

З а я в л е н и е

Мне 24 года, я студент IV к<урса> литерат<урного> отд<еления> Пед<агогического> фак<ультет>а С<еверо>-К<авказского> Г<осударственного> У<ниверситета>. Выдвиженец на кафедре русской литературы, служащий-стенограф. Работаю в сов<етских> учреждениях с 1920 г<ода>.

19 декабря 27 г<ода> я был арестован П<олномочным> П<редставительством> ГПУ С<еверо>- К<авказского> К<рая>. Мне предъявили обвинение по ст<атьям> 58-11 и 58-4 “участие в к<онтр>р<еволюционной> организации”.

Из единственного пятиминутного допроса, во время которого не требовали от меня никакого признания, я понял, что, очевидно, за такую организацию принимают три литерат<урных> вечера, бывших у нас в июне пр<ошлого> года, на которых читались стихи и литер<атурные> доклады. Нас было 8 чел<овек> безусой молодежи, почти все студенты-литераторы. Писатель Казарновский читал рассказ, вскоре напечатанный в газ<ете> “Большевицкая Смена”. Ничего контрреволюционного или антисоветского ни сделано, ни произнесено не было. Правда, была одна неуместная шутка: студ<ент> Рахт крикнул, смеясь: “Боже, царя храни”, — а Казарновский: “в 12 ч<асов> Ростов будет взорван”, — на что студ<ент> Абрамов заметил: “Черный Билль сделал свое дело”, — но глупая шуточность, пародийность этих фраз достаточно очевидны.

Эти вечера мы называли “Временник” — лит<ературный> кружок (по имени лит<ераторов> альманахов — предложение Абрамова), думали собираться еще, но после трех раз наши лит<ературные> вечера прекратились, вследствие скуки и летней жары.

При единственном моем допросе меня спрашивали о том, кто предложил мне посещать вечера, чья мысль была собираться (Абрамов), спросили о шутке, кто был на лит<ературных> вечерах, как давно знаком я с каждым из отдельных участников, у кого собирались (два раза у Абрамова, раз у меня) — спросили также о факте знакомства со студ<ентом> Маркевичем и служ<ащим> Колосовым. Эти лица у нас не были, — Маркевича я знаю очень плохо — по университету. Один раз его видел у студ<ентки> Федоровой, когда забежал к ней передать

обещанную книгу после сданного зачета. Колосова знаю с 23 г<ода>, общего с ним ничего не имел. Видал его не раз в квартире Константиныди, в соседстве с которым жил два месяца — в 23 году, — последние два года обоих (Константиныди и Колосова) встречал очень редко.

Все это я отмечал при дознании, однако, формулировалось следователем на бумаге все это не очень точно и не полно под предлогом, что “это неважно”.

Больше ничего меня не спрашивали. Не совершив преступления, я все время ждал освобождения.

В Исправ<ительном> доме встретил людей, совершенно мне не знакомых, из разговоров выяснилось, что мы сидим “по одному делу”.

Я НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮ. НИ О КАКОЙ К<онтр>Р<еволюционной> ОРГАНИЗАЦИИ Я НИКОГДА НИ ОТ КОГО НЕ СЛЫХАЛ. Всегда я был предан сов<етской> власти, честно и неустанно работал, учился; к<онтр>-революционером никогда не был и быть не мог по своим убеждениям.

Невинные лит<ературные> вечера со стихами и рассказами для ком<мунистической> молодежи за к<онтр>р<еволюционную> организацию могут быть приняты только вследствие ошибки или какого-нибудь трагического заблуждения.

Трое лиц из бывших на этих вечерах, в числе их студент, предложивший нам собираться, как мне известно, к следствию даже не привлекались. В чем же, в конце концов, обвиняют меня — я не знаю. Голая статья УК ничего не доказывает. Дела своего я не видел, очных ставок ни с кем не было, я не знаю даже, что мне нужно опровергать.

В конце июня с<его> г<ода> Коллегией ОГПУ я был приговорен — к ПЯТИ ГОДАМ СОЛОВКОВ.

Такой суровый приговор считаю незаслуженным, несправедливым.

Я ОЧЕНЬ БОЛЕН: у меня туберкулез лимфатических желез, начинается чахотка, острая неврастения, я перенес туберкулез тазобедренного сустава (три года лежал без движения в гипсе), туберкулезный аппендицит. К физической работе я не способен. Комиссия ГПУ С<еверо>-К<авказского> К<рая> нашла у меня все упомянутые болезни. Соловки — погибель для меня.

ЕСЛИ бы был виновен, я безмолвно принял бы приговор, но получив 5 лет ни за что, без вины, — считаю, что этим нарушена Революционная законность, которая, конечно, существует в советской стране.

Во имя Революционной законности, утверждая, что приговор Коллегии ОГПУ вынесен вследствие какого-то недоразумения, м<ожет> б<ыть> вследствие совершенно незнакомых мне и непроверенных материалов, — умоляю В<ашего> распоряжения пересмотреть дело, проверить следствие, ибо только один допрос, не содержащий прямых вопросов по существу обвинения, не может быть назван следствием.

ЕСЛИ пересмотр дела вообще невозможен — умоляю Вас о помиловании, хотя бы о смягчении такого жестокого приговора.

5 лет Соловков для меня равносильно смерти. ЗА что я должен идти в Соловки с позорной кличкой контрреволюционера. Зачем государству нужно ссылать человека, искренне преданного и нужного ему?

Заявление передано матери при свидании.

А. Панкратов

6/VII-28 г<ода>.

РОСТ<овский> ИСПРАВ<ительный> ДОМ»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 487. С. 283-294. Машинопись.